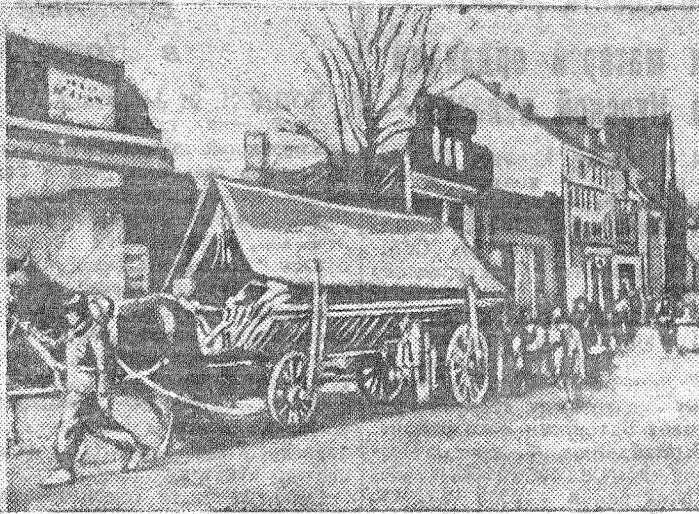




В Германии: 1) Война пришла в Эльбинг. 2) Немцы заочевали... 3) Немецкий бюргер—помесь

шакала с бараном.

Снимки Ильи Эренбурга.

В ГЕРМАНИИ

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

Это было в одном из прусских городов. Я заглянул в помещение местной газеты. Среди рукописей и гранок валялось несколько газет. Развернув одну, я невольно улыбнулся: на первой полосе крупным шрифтом был напечатан приказ Адольфа Гитлера, и, взывая к фюрерам, бесноватый почему-то вздумал сослаться на Илью Эренбурга, как на пугало. Одновременно фюрер заверил, что Восточная Пруссия неприступна. Насколько неделя спустя упомянутый Илья Эренбург колесил по Восточной Пруссии от Мазурских озер до Эльбинга...

Это смешная присказка к хорошей, но не смешной сказке: настала расплата. О возмездии нечего теперь говорить в будущем времени: мы его дождались. Я видел страшный исход испанцев из Испании в январе 1939 года. Север Каталонии был покрыт трупом, брошенными вещами, опрокинутыми повозками, и сотни тысяч женщин с детьми металась в агонии. Над ними спокойно летали немецкие летчики из легиона «Кондор» и, расстреливая беззащитных, пели песенку, сочиненную обер-лейтенантом Эрихом Шлехтом: «Мы — немецкие легионеры, мы перелетаем через все границы и мы побеждаем... Да, тогда они «побеждали», и я не забуду изуродованные тела испанских детей. Не прошло и двух лет — в июне 1940 года я увидел доты Франции. Снова — искромсанные автомобили, трупы детей и миллионы, миллионы людей, уходящих неизвестно куда, только чтобы не видеть немцев, и снова над ними кружили лихие «победители», убивая в одну минуту сотни женщин, и снова немцы пели: «Мы идем в глубь Франции, мы крошим их мир». И наконец — лето 1941 года. Кто из нас его забудет? Кто до конца своих дней не будет помнить скрип крестьянских телег, горящие села и города, стон умирающих детей? В ушах у меня засел плач матери, которая прижимала к голой груди околесившего ребенка. А немцы тогда шли вперед и пели: «Мы мчимся на восток. Мы мчимся к победе. Немецкая кровь бьется в наших жилах. На востоке встает кровавая заря. Мы — первая Пруссия, мы пришли с берегов Балтийского моря и ничто нас больше не остановит». Да, всё это было, и нам этого не забыть. И вот я вижу дороги Германии, гладкие, обсаженные деревьями. Эти дороги завалены брошенными повозками, сундуками, подушками, перинами, хламом — и дамский капот здесь, и портфель с бумагами финансового инспектора, и бальное платье, и кастрюли. Колонны беженцев оказались в зоне боя; пух из раздавленных перин в теплый весенний день кажется снегом: метель из пуха. Горят города. Отчаянно мычат недоенные коровы. Бродят одинокие свиньи. Война ступает по немецкой земле. А если отъехать дальше в тыл, можно увидеть на дорогах десятки тысяч немцев с детьми, которые плетутся на восток. Они пытались куда-то убежать, но не выбрались и теперь возвращаются назад. Идут старые немцы, подобострастно кланяясь. Один из них сказал мне: «Гитлер гат гезигт, их гее нах гаузе». («Господин Гитлер победил, я иду домой»). Они не выглядят больше победителями эти «сверхчеловеки». Их дома разбиты артиллерийским огнем.

Их барахло брошено где-то на дороге. Их мечты о мировом господстве раздавлены гусеницами танков. О, разумеется, глядя на немецких детей или старух, я не испытываю злорадства, его не испытывают и наши бойцы. Мы не воюем с младенцами и не расправляемся со стариками: мы не фашисты. Но ведь не только дети перед нами, не только старики: вот пленные, вот фольксштурм, вот чиновники, помещицы, члены нацистской партии — вся Восточная Пруссия, за исключением небольшого мешка возле Кенигсберга, завоевана нами.

Почему я так радуюсь, проходя по улицам немецких городов? Я проехал в машине путь Москва—Эльбинг, снова я увидел Смоленщину, Белоруссию, Литву, побывал и в Польше. Какое черное дело сделали немцы! Я заночевал в селе Красное. Нет этого села — одни землянки. Старик мне навизно говорил: «Может быть вы в Германии встретите дочку, Верой зовут — угнали проклятые...». В другой семье немцы убили четырнадцатилетнего мальчика. Всё унесли до последнего платка. А потом сожгли дома. И только одно оставили — самодельную печь, на которой какой-то фриц написал по-немецки: «Минск — Брянск — Орел — Смоленск». Его путь. Путь крови, печла, слез. Как же после этого не радоваться, заходя в ратуши немецких городов?

Почему немец вытащил из хаты в Красном скворородку, платок, одеяло? От нужды? Нет, от тупой жадности. У него были и скворородки и платки. Я нашел в одном немецком доме столик из России — пометка «Ленинград». Зачем немец его привез к себе? Ведь столик не герб. А у него было и без того пять столов. Их дома затромяжены вещами. На стенах безвкусные олеографии и десятки оленьих рогов. Шкапы, комоды, множество вазочек. Полотенце с надписью: «Порядок — основа домашнего хозяйства». Простыня тоже с надписью: «Сладкие сны». Портреты Гитлера, Гинденбурга. Иногда идиотский юмор — печь, на которой унитаз и написано: «Только для печла». Достаточно у них было и земли, и коров, и барахла. Если

они ринулись за «жизненным пространством», если грабили хаты Белоруссии, то не от бедности, а от алчности, и для таких нет ни «смягчающих обстоятельств», ни простого человеческого снисхождения.

В доме, где теперь живет военный комендант Растенбурга, оставался Гитлер. На стене висит любительская фотография: дочь хозяйки подносит фюреру букет цветов. Может быть, эти строки дойдут до бесноватого, пока он еще жив; пусть знает, что я хорошо спал под его фотографией; пусть знает также, что майор Розенфельд, комендант города, навел в Растенбурге порядок, не «новый» — человеческий. Немцы и пожилые немцы расчищают улицы города, и жадно они ждут приказов. А немцы убили всю родню коменданта. Он не мстит, как мог бы мстить, он не убивает безоружных; он только заставил вчерашних «сверхчеловеков» работать и повиноваться; может быть это самая сладкая месть. Они, разумеется, теперь все клянутся: «Мы были против Гитлера»; некоторые фашисты даже поднимают кулаки и бубнят «рот фронт». С ними не разговаривают, не спорят, не ругают. У советских людей нашлось для таких нечто лучшее: молчание. Пусть работают, пусть хоть частично исправят совершенное ими. А злодеев накажет суд — скорый и справедливый.

Почти все немцы отрицают, что они знали о злодеяниях, совершенных их соотечественниками в России, вернее — пробуют отрицать. И это — лучшее доказательство круговой поруки преступников. А успокоившись, видя, что их не собираются загнать в газовые камеры или сжечь, они признаются: «отпускники рассказывали...». Да, теперь мы расплачиваемся за Варшаву, за Киев, за Смоленск... Я разговаривал с генеральным викарием — заместителем католического епископа Фраунберга Алоизом Марквартом. Он говорил о злодеяниях гитлеровцев шопотом, так что мне пришлось его спросить, кого же он опасается — арестованных гестаповцев или Ватикана? Он признал, что немцы залили кровью всю

Европу; а на мой вопрос, что теперь делать с немцами, дипломатично ответил: «Только не то, что немцы делали с другими». Лютеранский пастор Растенбурга Рудольф Абрамовский, покашливая, говорил мне: «Нас принуждали...». Это любимая присказка всех: и специалиста по глазным болезням Шиллинга, и крупного коммерсанта Брехта и кулака Шайдера: «Цванг» — «принуждение». Можно подумать, что они по принуждению грабили, жерели и опивались. А в домах этих «принуждаемых» прекрасные ассортименты вин — и красное французское, и белое сербское; и итальянское, здесь же украинская вышивка или русские меха, а на стенке выцветшая карта, на которой красным или синим карандашом отмечен фронт у Сталинграда — забыли снять. Нет у них достоинства, «нищенщины» хнычут, нет это не нищенщины, а поганая помесь шакала с бараном.

Их много, и чем больше продвигались на запад, тем больше. Вначале они дружно ударили (говорят; конечно, что их «принуждительно эвакуировали»). Потом устали удирать. «Почему вы не уехали», — спросил я тучного бюргера с животом, способным вместить не менее десяти литров пива. Он поморгал и ответил: «Кайн цвек» — «бессмысленно». Немецкие газеты пишут, что мы занимаем пустую территорию. Вздор. В Растенбурге свыше половины населения, то же в Николайкене, в Хайльберге. А в Эльбинге — это второй город Восточной Пруссии — из ста тысяч оказалось по меньшей мере шестьдесят: хотя неделю шли уличные бои, кланяются, даже стараются улыбаться...

Еще шесть недель тому назад они были твердо уверены, что Восточная Пруссия неприступна. Ведь так писали газеты, так говорил фюрер. Гаулейтер Эрих Кох, зная любовь немцев к точности, сообщал: «Русские никогда не прорвутся в глубь Восточной Пруссии, ибо мы за четыре месяца вырыли окопы и рвы общим протяжением в 22875 километров и взрыли 4142151 кубометров земли». Слов нет, Восточная Пруссия была хорошо подготовлена к защите. Мы их не взяли

врасплох, но мы их все-таки взяли. Оборона была на сотню километров в глубину. Двадцать оборонительных линий. Да и готовились они не четыре месяца, а добрых сорок лет. «Остхильфе» выдавала субсидии крестьянам. Они должны были строить дома со стенами в полтора метра ширины, с хорошими подвалами. Не могли ни стены, ни подвалы, ни кубометры, ни озера. Красная Армия научилась преодолевать все препятствия.

Только глупые немцы могли в начале января верить в неприступность Восточной Пруссии. В Либштате я нашел незаконченное «Дер нахвайс дер аришен абштаммунг» (свидетельство об арийском происхождении). 12 января 1945 года некий Эрих Шнеллер, решив жениться, подготавливал свидетельство о своей чистокровности. Он успел заполнить графы, касавшиеся его матери, отца и деда со стороны отца, но три графы остались не заполненными: пришла Красная Армия, прервав труды породистого кретина. Так потомки и не узнают, какая была у этого Эриха бабушка... В Эльбинге я взял на почтамте неоправленные письма. И там я нашел следующее заверение: «На Западе наши дела идут блестяще, что касается русских, то они умеют воевать только на своей земле, это известно каждому ребенку, поэтому можете быть спокойны за нас». Так писал немец в Эльбинге 16 января сего года.

А между тем весь мир знал, что Красную Армию ничто больше не остановит. Это знали в самой Восточной Пруссии сотни тысяч пленников из различных стран — и русские, и французы, и англичане, и поляки. Это знали, конечно, наши союзники. Мало того — это знали наиболее косные люди Европы: политики Швейцарии. Я был в Эльбинге, когда наши бойцы после жестоких уличных боев спасли господина Шарля Бранденберга, вице-консула Швейцарии, охранявшего интересы трех тысяч швейцарцев, занятых (по крайней мере официально) производством сыра. Сугубо «нейтральный» дипломат провёл несколько пренебрежительных дней в погребке, укрываясь от обстрела. Мне пришлось быть переводчиком. Мы предложили дипломату ночлег и ужин. Он все время улыбался: не мог поверить, что жив. Вряд ли я стал бы на нем останавливаться, не будь у него одного примечательного документа — охранной грамоты на русском языке, составленной в Берне и подписанной господином Пиле-Гола — главой политического департамента швейцарской конфедерации. «Почему же 15 сентября 1944 года в Берне составили этот документ на русском языке?». Вице-консул, улыбаясь, ответил: «В Берне никто не сомневался, что Красная Армия займет Эльбинг». Даже в Берне начали что-то понимать. Понимают и в Берлине. Я вижу, как маститые фашисты Бранденбурга и Саксонии учатся теперь говорить по-русски «здравствуйте, мы не виноваты» — это первые слова, которым научились немцы в Восточной Пруссии. Они довольно легко справляются с фонетикой. Они не понимают одного: мы не слушаем их слов — мы знаем их дела. («Красная звезда»).

ВСТРЕЧА

Нежданная-негаданная встреча. Немецкий город в лихорадке боя пригнулся в страхе киркой изувеченный и стала ратуша от пуля рябон.

Еще строчит из-за угла немецкий автоматчик, но наши танки бьют по немцам с хода, и мимо окон и витрин незримо идет вдоль улиц русская пехота.

Застопорив свой танк на перекрестке, откинул парень крышку люка, спокойный среди грохота и треска вдаль поглядел, ко лбу приставив руку... Он увидал:

бредут навстречу тени, свисают с плеч дырявые дерюги, по снегу ноги в тряпках тянут, качаются от ветра на дороге...

Его увидели и бросились навстречу и, плача и смеясь, сгрудились у машины, ласкали вмятины в броне-след боевых насечек, — на лицах сгладились старушечьи морщины. Он побывал в суровых передельках под Сталинградом, Витебском и Вильно, в огне, на минах, в ямах не робел так, — а их увидя, побледнел невольно...

Стояли здесь двадцатилетние старухи, обтянутые кожей скелеты... Бескровным ртом произносили глухо ему слова приветия, проклятия — земле той.

Одна вдруг вскрикнула.

К ней пригляделся парень, на землю прыгнул и схватил за руку, узнал ее глаза, живые, карие: ведь их тепло он нес через разлуку... Давно им пели соловьи, для них цвели сады, — в неволе встретил он ее, не в соловьиной роще, рукой ей гладил волосы седые, искал слова — сердечнее и проще.

Но бой ушел вперед и звал его с собой. Танкист обнял ее, просил, чтоб ожидала, зубами заскрипел — и выдал сердца боль, — и танк ответил скрежетом металла...

За скорую и радостную встречу, за жизнь без страха и без горя, чтоб покарать тебя, проклятая неметчина, — он гнев вложил

в удар,

в огонь

и в скорости..

Вл. ФАЙТЕЛЬСОН.

«Курская правда», 5 стр.